

Цзян Яншуй подошла к двери ванной, собираясь постучать, но, подумав, что Е Цзинь внутри, вероятно, пытается справиться со своими проблемами, решила не беспокоить её. Она вернулась к эркеру, села на подоконник, глядя на мир за окном, и принялась за свой простой, запоздалый завтрак с молоком и хлебом, который хоть немного утолил её сильный голод.

Однако вскоре Цзян Яншуй почувствовала что-то неладное. Она услышала лёгкий гул и, поднявшись, обнаружила, что Е Цзинь включила очиститель воздуха. Тот работал на полную мощность, непрерывно вытягивая комнатный воздух и заменяя его свежим.

Но в этом-то и крылась проблема. Раз уж Е Цзинь включила мощный очиститель, который должен был быстро очистить комнату от запахов, почему же в воздухе всё ещё висел такой тяжёлый аромат феромонов?

Брови Цзян Яншуй нахмурились. Взгляд её упал на дверь ванной: судя по всему, у Е Цзинь снова начался период восприимчивости, и исходящие от неё феромоны полностью перекрывали работу очистителя. Неужели этот приступ оказался сильнее предыдущих?

Цзян Яншуй терзали сомнения, но она не могла рисковать и злить Е Цзинь. Подойдя к двери, она не стала открывать её, а просто встала рядом. Феромоны со вкусом снежного лотоса, сочащиеся из её собственной железы, просачивались сквозь хрупкую преграду, пытаясь успокоить терзаемую муками альфу по ту сторону.

Через дверь до слуха Цзян Яншуй донеслись прерывистые стоны. Лицо её мгновенно вспыхнуло, а сердце сладко заныло. Она нервно моргала, слушая звуки, доносящиеся изнутри, а руки, безвольно опущенные по бокам, непроизвольно сжались в кулаки.

Эта сцена — одна внутри, другая снаружи — продолжалась долго. Цзян Яншуй не чувствовала, чтобы феромоны Е Цзинь ослабевали, скорее, шум за дверью становился всё отчетливее. Стыд, охвативший омегу, поднялся от самых пяток к позвоночнику: она, кажется, догадывалась, что именно делает Е Цзинь.

Она пыталась убедить себя, что это естественное поведение. В конце концов, в таком состоянии желания обостряются до предела, и подобная разрядка — вполне нормальное явление. Но, несмотря на все доводы разума, лицо её пылало, и она понятия не имела, как потом смотреть Е Цзинь в глаза.

Притвориться, что ничего не знает? Но та альфа за дверью наверняка чувствует, что она стоит прямо здесь. Как можно сделать вид, что ничего не происходит? Ситуация казалась даже более шокирующей, чем утреннее пробуждение в объятиях Е Цзинь; её буквально парализовало.

Как с этим быть? Когда Е Цзинь закончит, ей, должно быть, станет лучше, верно?

Цзян Яншуй стыдливо закусил губу, продолжая наполнять комнату своими феромонами, и отрешённо уставилась в одну точку. Раз Е Цзинь выбрала уединиться в ванной, значит, остатки

разума у неё всё ещё есть.

Прошло немало времени, ноги Цзян Яншуй уже затекли, когда звуки за дверью наконец стихли, а фон феромонов начал медленно угасать.

Цзян Яншуй подошла к изголовью кровати Е Цзинь, достала из ящика подавители и положила их у порога ванной:

— Я оставила подавители у двери. Откроешь и заберёшь.

Не дожидаясь ответа, она подхватила остывшую еду и вышла из спальни, намереваясь приготовить что-нибудь свежее. Её тонкие пальцы так сильно вцепились в край кухонной столешницы, что побелели.

Ощувив внутри себя нечто необычное, Цзян Яншуй помрачнела. Она не любила в альфах их животные инстинкты, но, в конце концов, разве омеги чем-то отличаются? Сердце твердит, что альфы неприятны, а тело всё равно поддается их влиянию, увлекая в бездну. В сущности, никто из них не лучше другого.

Тостер издал щелчок, и два ломтика хлеба выскочили наружу. Цзян Яншуй долго смотрела на них, прежде чем вынуть, подогреть молоко и вернуться в спальню.

Только она поставила поднос, как услышала звук открывающейся двери ванной. Не успела она обернуться, как на неё обрушилась лавина агрессивных, собственнических феромонов альфы, не оставив путей к отступлению.

Тёплое, нежное тело прижалось к ней сзади, руки сомкнулись на талии, упёршись в живот. И лишь одно в этом объятии не вязалось с нежностью — обжигающее дыхание на шее. Цзян Яншуй почувствовала, как нервы натянулись до предела, и, развернувшись, инстинктивно взмахнула рукой.

Звонкая пощёчина эхом разнеслась по комнате.

Глава 26. Просьба

Е Цзинь отшатнулась, её левая щека мгновенно покраснела и припухла, а четкий отпечаток пяти пальцев резко выделялся на фоне бледной кожи.

Цзян Яншуй, охваченная гневом, грубо оттолкнула её, окончательно разрывая дистанцию.

— Е Цзинь! — голос Цзян Яншуй звучал ледяным холодом. От недавнего прикосновения её начало мутить, еда, съеденная ранее, неприятно ворочалась в желудке.

Е Цзинь застыла с ошарашенным видом, её глаза всё ещё были красными, но в следующую секунду в них отразился испуг. Она повернулась, чтобы объясниться, но, увидев выражение лица Цзян Яншуй, осеклась.

Объясняться? Что тут объяснять? Она действительно потеряла голову от желания и совершила неподобающий поступок. Губы Е Цзинь дрожали, лицо стало мертвенно-бледным, но слова застряли в горле.

— А я-то думала, что ты не такая, как остальные альфы! На самом деле вы все одинаковые! — Цзян Яншуй бросила на неё холодный взгляд и, не оглядываясь, вышла из комнаты.

— Нет, это не так...

Е Цзинь хотела окликнуть её, но та ушла слишком быстро. Дверь спальни захлопнулась с оглушительным грохотом, от которого сжалось сердце.

— Прости... прости меня.

Е Цзинь опустила голову, в носу защипало. Та, кому предназначалось это извинение, его уже не услышит. Она отвесила себе тяжёлую пощёчину и, прислонившись к кровати, застыла в оцепенении.

Захочет ли Цзян Яншуй когда-нибудь снова с ней заговорить? Смогут ли они остаться друзьями? Но она больше не осмелится подойти к ней, боясь, что снова не справится с собой, и тогда пропасть между ними станет непреодолимой.

В последующие часы Цзян Яншуй больше не появлялась в спальне Е Цзинь. Хотя феромоны всё ещё витали в воздухе, по сравнению с тем, что было рядом с Е Цзинь, их концентрация была слишком низкой, чтобы удовлетворить альфу.

Она колола подавитель за подавителем, с каждым разом чувствуя себя всё хуже. В конце концов, не выдержав, Е Цзинь разрыдалась. Внутри неё словно образовалась огромная дыра, она отчаянно жаждала феромонов своей омеги, мечтала, чтобы та была рядом. Вспоминая свои же громкие слова о том, что ей не нужны её феромоны, Е Цзинь чувствовала себя ещё более униженной.

Оказалось, что в этот период восприимчивости она не смогла сдержать ни единого своего слова. Даже при отсутствии феромонов её нутро неистово взывало к ним. Ей нужна была Цзян Яншуй, только она...

Душевные и физические терзания, смешанные с болью в груди, словно от разрываемого сердца, заставляли её рыдать в голос, но она боялась побеспокоить Цзян Яншуй за дверью, поэтому закусывала край одеяла, беззвучно обливаясь слезами. В конце концов, чтобы не

сорваться и не пойти искать её, она свернулась в плотный кокон, упав на пол и не в силах пошевелиться.

Наступили сумерки. Цзян Яншуй, весь день просидевшая в гостиной, наконец шевельнулась. Она посмотрела в окно, затем перевела взгляд на спальню Е Цзинь. Весь день она ничего не делала, и Е Цзинь ни разу не выходила.

Цзян Яншуй обхватила голову руками. Её душило чувство подавленности. Она сама возложила на Е Цзинь слишком высокие ожидания, а то, что та не оправдала их — разве это не естественно? Е Цзинь не обязана следовать её идеалам, к тому же она всё равно лучше большинства альф.

Цзян Яншуй побледнела. По правде говоря, она сама была ничем не лучше. Обе оказались в ситуации, когда не могли контролировать себя: она позволила себе пометить Е Цзинь, а та, за исключением того одного случая, всё время сдерживалась. Даже когда она лежала на ней, а её железа была в паре дюймов от губ Е Цзинь, та не воспользовалась моментом.

Разве есть у неё право винить Е Цзинь в том, что она поддалась инстинктам? Если бы не она сама, Е Цзинь не оказалась бы в таком положении. Как ни крути, именно она первой поступила некрасиво.

Посидев ещё немного, Цзян Яншуй поняла, что Е Цзинь тоже весь день ничего не ела. Она открыла холодильник, уже заполненный тётей Ли, поискала там что-нибудь и нашла рисовые шарики из супермаркета. Разогрев их и налив два напитка, она направилась в спальню.

При открытии двери её накрыла волна густых феромонов. Цзян Яншуй побледнела, крепче сжала поднос, в голове снова зашумело. В комнате было темно, плотные шторы не пропускали неоновый свет с улицы, лишь тусклый отблеск из гостиной проникал внутрь.

Сначала Цзян Яншуй видела лишь общие очертания, но, включив свет, она разглядела происходящее, и дыхание её участилось. Е Цзинь, охваченная жаром, обливалась потом. Завернутая в одеяло, она не могла пошевелиться, приступ мучил её так сильно, что она не могла перестать плакать, но при этом старалась не издавать ни звука, до крови закусив край одеяла.

Когда она увидела Цзян Яншуй, её взгляд метнулся в сторону.

Дыхание Цзян Яншуй перехватило. Она пристально смотрела на Е Цзинь, и волна раскаяния захлестнула её с головой. Теперь стало очевидно, кто из них эгоистичен и беспомощен.

Сглотнув, она медленно подошла, поставила поднос на пол и опустилась на колени перед Е Цзинь. Увидев её, Е Цзинь инстинктивно отпрянула, в глазах мелькнул испуг.

Цзян Яншуй протянула руку и, сдерживая рыдания, прошептала:

— Прости... прости меня.

Е Цзинь замерла и с недоверием посмотрела на неё, не понимая, за что та извиняется. Ведь это она виновата перед ней.

Цзян Яншуй опустила голову, её тонкая шея приблизилась к Е Цзинь, обнажая железу, источающую аромат снежного лотоса. Этот маленький розовый участок кожи, выделяющийся на фоне остального тела, сейчас горел, пульсировал и одновременно сжимался от страха. Это был источник притягательных феромонов, место, к которому стремились тысячи альф.

Она была прямо перед ней, так близко, что стоило лишь чуть приподнять голову, чтобы коснуться её губами и вкусить этот дар.

— Что ты делаешь! — глаза Е Цзинь покраснели ещё сильнее. Она изо всех сил боролась с желанием пометить её, отвернула лицо, стараясь отодвинуться как можно дальше.

— Пометь меня, — голос Цзян Яншуй охрип, но в нём звучала решимость. — Пометь меня.

Дыхание Е Цзинь стало прерывистым, горячий воздух обжигал кожу. Можно было только догадываться, какая буря бушевала у неё внутри.

— Нет! — с трудом выдавила Е Цзинь, стиснув зубы.

Нет, она не может пометить Цзян Яншуй. Цзян Яншуй не любит её, она не имеет права использовать метку, чтобы привязать её к себе. К тому же она знала себя: если она сделает это, если вкусит её, она уже никогда не сможет отпустить её, не говоря уже о том, чтобы принять кого-то другого.

— Е Цзинь, я уже всё решила. Раз уж мы зашли так далеко, пометив меня, ты уже ничего не изменишь.

В глазах окружающих они уже пара, и, что бы ни случилось дальше, они навсегда останутся «бывшими» друг для друга.

— Пометь меня, а когда мы станем совершеннолетними, вместе пойдём и сведём метку.

Раз уж Е Цзинь может избавиться от неё только после совершеннолетия, то и она сможет. Нужно признать, даже в такой ситуации Цзян Яншуй оставалась пугающе хладнокровной.

«Пометь меня» — для альфы это самые желанные слова от омеги, но Е Цзинь не почувствовала

в них ни капли любви, лишь холодный расчёт. Это была метка без чувств, без капли доверия омеги к альфе, просто инструмент, чтобы облегчить их участь.

— Нет! — Е Цзинь продолжала отказываться. Она не смотрела на Цзян Яншуй, её челюсти были сжаты до боли, она дышала ртом, хватая воздух.

— Е Цзинь! — Цзян Яншуй начала злиться. Разве она не понимает, как трудно омеге произнести такое!

— Нет!

Она ни за что не пометит Цзян Яншуй. Никогда в жизни. Потому что та никогда её не полюбит. Е Цзинь снова почувствовала горечь из-за своей сущности альфы. Столкнувшись с любимым человеком, она проиграла, даже не имея шанса на борьбу.

— Ты...!

Цзян Яншуй поднялась, но, увидев выражение лица Е Цзинь, осеклась. Альфа была непреклонна, в её взгляде не было ни намёка на кокетство — она действительно не хотела её пометать.

В этот миг, зная, что это неправильно, она невольно подумала: неужели она настолько непривлекательна? Даже альфа в период восприимчивости не хочет её пометать?

Цзян Яншуй опустила голову, прижалась губами к железе Е Цзинь и слегка укусила, впрыскивая свои феромоны. Зубы прорвали хрупкий барьер, Е Цзинь инстинктивно вздрогнула. Феромоны снежного лотоса сплелись с ароматом сливового вина, постепенно сливаясь в нечто новое, с уникальным вкусом.

Хозяйка сливового вина, получив успокоение, невольно издала довольный стон и потёрлась о щеку Цзян Яншуй. Е Цзинь сейчас была такой послушной, что хотелось погладить её по голове. Цзян Яншуй слегка прикрыла глаза, слушая её стоны, напоминающие звуки довольного зверька, и почему-то ей стало смешно.

Однако стоны становились всё тише, напоминая те звуки, которые не могла скрыть дверь ванной тем утром. Цзян Яншуй дрогнула ресницами. Даже зная, что они не питают друг к другу чувств, она чувствовала себя до крайности неловко, не зная, как поступить.

Тяжело вздохнув, Цзян Яншуй решила сделать вид, что ничего не слышит.

Глава 27. Застенчивость

Феромоны Е Цзинь постепенно успокоились, стоны стихли и окончательно растворились в тишине. Е Цзинь пришла в себя, но они всё ещё оставались в прежней позе. В какой-то момент Е Цзинь высвободила руки, обняла тонкую талию Цзян Яншуй и, охваченная стыдом, уткнулась лицом в её шею. Её лицо горело так, будто вот-вот взорвётся!

Что она только что творила! Почему она так стонала перед Цзян Яншуй?! Е Цзинь казалось, что в жизни она ещё не была так опозорена. И эти звуки слышала Цзян Яншуй!

Цзян Яншуй молчала, позволяя ей обнимать себя, как страусу, спрятавшему голову в песок. Стыд повис между ними тяжёлой пеленой.

— Кхм, Е Цзинь, отпусти меня, — Цзян Яншуй прочистила горло, делая вид, что ничего не случилось.

Е Цзинь покачала головой, обнимая её ещё крепче.

Цзян Яншуй помолчала и честно добавила:

— У меня поясница болит.

В такой позе долго не выдержишься.

Е Цзинь: «...»

Покраснев, она разжала руки и отвернулась, не глядя на неё. Цзян Яншуй выпрямилась и, опустив взгляд на смущённую альфу, слегка улыбнулась. Оказывается, эта альфа такая застенчивая.

— Вставай, ужин готов, — сказала Цзян Яншуй.

Е Цзинь украдкой взглянула на неё. Увидев, что на лице Цзян Яншуй нет ничего особенного, она поспешно приняла невозмутимый вид, стараясь не показать свою робость.

— Тогда... помоги мне размотать одеяло.

Е Цзинь старалась сохранять невозмутимость, хотя ситуация была крайне неловкой. Цзян Яншуй улыбнулась ещё шире: Е Цзинь сама не знала, как умудрилась так плотно себя замотать, и теперь освободиться без посторонней помощи было непросто.

— Закрой глаза.

Е Цзинь послушно закрыла глаза. В следующую секунду она почувствовала, как земля уходит из-под ног, и её завертело. Когда она наконец выбралась из плена одеяла, Е Цзинь с облегчением выдохнула, словно заново родилась.

— Так рада? — спросила Цзян Яншуй, глядя на неё сверху вниз.

— Конечно, рада! — глаза Е Цзинь засияли. — Ты не представляешь, как жарко было в этом коконе! Я думала, сейчас взорвусь!

Чтобы удержать себя, она выбрала не тонкое покрывало, и в такую жару, естественно, чуть не потеряла сознание.

Цзян Яншуй лишь хмыкнула и, глядя на её вспотевшее лицо, тихо произнесла:

— Иди прими душ, а потом выходи ужинать.

Услышав это, Е Цзинь с изумлением посмотрела на неё. Что она сказала? Она приглашает её ужинать вместе?

Цзян Яншуй отвела взгляд, кончиком языка коснувшись зубов, которыми недавно укусила железу Е Цзинь — на них, кажется, всё ещё оставался привкус её крови.

— Сказала же — иди!

На самом деле, в нынешней ситуации им уже нечего было скрывать, и к тому же... Цзян Яншуй посмотрела на Е Цзинь. По правде говоря, она сама могла оказаться даже хуже, чем Е Цзинь, так что защищаться было бессмысленно.

Выходя с холодными рисовыми шариками, Цзян Яншуй коснулась своей поясницы — там, казалось, всё ещё ощущалось тепло рук Е Цзинь. В душе возникло странное чувство: не отвращение, но ещё и не любовь.

Е Цзинь приняла в ванной душ, переделась в пижаму и отправила все грязные вещи в стирку. Слушая шум стиральной машины, она снова покраснела. Цзян Яншуй наверняка слышала всё, что происходило в ванной раньше...

<http://bllate.org/book/21716/2243886>